

В этом году в Белоруссии выходит в свет 1-й номер литературного альманаха «Братэрства» («Братство»), в котором будут напечатаны произведения писателей и поэтов всех союзных республик.

В 1-м номере ежегодника публикуется интервью с известным белорусским писателем А. М. Адамовичем о работе над «Блокадной книгой». «Литературная Россия» предлагает сегодня фрагмент этой беседы.

12 марта 1982 г. «ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ», № 11

Алесь АДАМОВИЧ

НИЗКИЙ ПОКЛОН

— В выступлениях по телевизору, в интервью Даниил Гранин не раз отмечал, что идея «Блокадной книги» принадлежит белорусскому писателю. Хотелось бы узнать, как вы работали совместно над этим произведением.

— Получилось как-то само собой. Хотя теперь, когда работа сделана, начинаешь думать, что были, были какие-то невидимые, но сильные токи — от Хатыней к блокадным ленинградским трагедиям, в это токи эти, импульсы как раз и направляли мысли и намерения одного из авторов книги о Хатынях — направляли на Ленинград.

На Даниила Гранина вышел, когда решил этим заняться сам. Потому что сначала об этом не думал, лишь хотелось поджечь той работой, что проделана была в Белоруссии, чей-то энтузиазм в Ленинграде. Кроме того, внутренний гул от долгой работы над книгой «Я из огненной деревни» все еще продолжался и, может быть, тоже подталкивал, требовал какого-то продолжения... Тем более что во мне уже жило несколько ленинградских историй, таких же пронзительных и мучительных, как наши, хатынские. И услышал я их, кстати, от Галины Максимовны Горецкой, дочери классика нашей литературы Максима Горького. Много случайностей, и тем не менее все выглядит закономерно связанным ф «Блокадной книгой»: трагедии наши вели, привели поиск к ленинградским потому, очевидно, что они, трагедии века, как подземные реки, связаны, сливаются. Хотя бы вот эти истории, разве не стоят они в одном ряду с памятью, болью «огненных деревень»?

...Женщина-мать, чтобы спасти остальных детей от близкой смерти, не заявляет до конца месяца об умершем ребенке (хлебные карточки), прячет замерзший трупик в шкафу...

...Пункт приема детей-сирот, которых собирали в жутко тихих домах «бытовые отряды»: принесли девочку, санитарка, добрая душа, целует голодного плачущего ребенка. Оглянувшись: все дети выстроились в рядочек, чтобы и их поцеловала...

Я много читал о ленинградской блокаде, но сердцем понял, как себя чувствовал там человек, лишь после этих простеньких историй, услышанных от Галины Максимовны Горецкой.

Ближе других ленинградцев я знал Даниила Гранина, но больше заочно — по произведениям его.

Написал ему о нашей белорусской книге, о том, как вижу ленинградскую... Даниил Александрович сразу отозвался: да, все верно, но где найти время на такую работу?

...Мы поехали записывать первого блокадника. 5 апреля 1975 года — это я хорошо помню. Куда-то на улицу Шелгунова, по адресу, который мне дала

все она же, Галина Максимовна Горецкая. Блокадную историю ее знакомой я уже знал в пересказе и рассчитывал, во всяком случае хотел, чтобы и Даниила Александровича сразу «зацепило и потащило». Хотя и знал (по прежнему опыту), что нужно набраться терпения, и тогда из 10—12 рассказов-воспоминаний одно (по крайней мере одно) получишь потрясающее. Но здесь мне хотелось, чтобы сразу же услышать, записать именно такое.

Не буду подробно рассказывать, как мы искали адреса блокадников, телефоны, ездили, ходили, знакомились, расспрашивали, записывали. От человека к человеку, от квартиры на одном конце огромного города к дому, квартире — на другом. Чем больше записано воспоминаний, чем больше в руках у нас дневников, тем сильнее ощущение, что мы от своей цели дальше, чем в тот апрельский день 1975 года, когда затевали работу. Воспоминания по 50 и по 100 страниц каждое — сотни таких рассказов-воспоминаний, записей, дневников — целая гора... Но как с этим выйти к читателю?

Я все ездил в Ленинград, квартира Даниила Александровича на Васильевском острове — наш «штаб», куда все больше нитей стягивается, сходится. О нашей работе уже прослышали, уже звонят, пишут нам, сами ищут нас, и тут уже не отступишься, даже если бы захотел. Он ничего так не просил, ленинградец-блокадник, не требовал, не хотел для себя — хотя нужда была в помощи, и не раз в послевоенные годы, — как здесь вдруг прорвалось. Не просьба что-то дать ему, а взять, взять у него — всю правду!

Когда сознание настроено все время на одну волну, блокадника услышишь, разгадаешь и далеко от Ленинграда. Сколько я их нашел в поезде Минск — Ленинград, который изрядно обжил за годы с 1975-го по 1981-й!

Или вот такой случай: старая женщина-мишчанка все время занята тем, что находит, собирает и кормит на улице, во дворе бездомных котят, собак (или хотя бы голубей) — сцена не такая уж редкая или удивительная. Но неожиданные слова ее меня заставили внутренне сжаться: «Я не могу видеть голодных. Я была в Ленинграде»...

Была в блокадном Ленинграде — это на всю жизнь.

А с материалом — чем больше его набиралось, копилось, тем больше не хватало. Слишком много — чтобы напечатать, как есть, и слишком мало — чтобы нам главное открылось, самим стала вестима общая идея нашего произведения.

Чего ради, зачем мы потревожили, собираем блокадную память, кажется, знаем. Чтобы не упустить, не потерять навсегда народную правду о трагических и героических 900 днях Ленин-

града, всю правду о войне. Чтобы дать выговориться, выкрикаться памяти о невыносимом блокадном голоде, о муках, потерях и героизме людей, спасавших цивилизацию от фашистского варварства.

Все это так, но и жанр наш, как и всякое произведение, требует сверхидеи, сверхцели, которая открывается в самом материале.

Это не сразу пришло. Спорили: что удерживало и удержало рядового ленинградца на такой гордой и трудной высоте солдатского и человеческого поведения? Ленинградцы умирали, но умирали с каким-то особенным достоинством.

Чем больше мы слушали самих ленинградцев, изучали документы, читали дневники, тем яснее нам открывалась одна из главных опор духа ленинградцев.

Что Ленинград — один из самых культурных городов в мире, кто об этом не знает. Что это город-интеллигент и по культурным традициям, и по насыщенности музеями, библиотеками, научными учреждениями, а главное — по культуре, облику самих горожан, по их взаимоотношениям и отношению к тем, кто приезжает в Ленинград, — также давно считается общепризнанным. Рабочий класс в городе Ленина всегда славился не только технической, но и общей культурой.

Все это так, и все, оказывается, имеет не только прямое, непосредственное отношение к легендарной стойкости ленинградцев во время блокады, но и может объяснять многочисленные конкретные ситуации и судьбы, с которыми мы сталкивались во время работы над «Блокадной книгой». Например, те же «подневные записки» блокадника Г. А. Князева или дневник Юры Рябинкина: как точно они документируют движение человека к состоянию, когда голод уже способен отобрать, действительно «сожрать» и силы, и волю, и совесть, и саму способность сопротивляться гибели. Физических, биологических калорий недостаточно, чтобы не умереть, а тем более остаться прежним человеком — кем ты был всегда. Но нечто все равно человека держит, поддерживает, не позволяет переступить «за черту», где распад всего, «моральная дистрофия». И это нечто, может быть, как раз и есть то, что не было учтено фашистами, хотя они все остальное (достаточно точно) подсчитали и высчитали: сколько может продержаться в лютые морозы четырехмиллионное население, если в городе нет значительных запасов продовольствия, топлива, не действует канализация, нет воды...

Ленинград блокадный о многом поведал миру: и о нечеловеческом облике фашизма, который голод избрал своим союзником, средством террора против мирного населения, и о

том, что способен перенести и перед чем смог устоять народ, когда рещался вопрос жизни и смерти Родины, сражающейся за человеческое будущее.

То, что нам, авторам «Блокадной книги», открылось через долгую работу, что нам Ленинград открыл и что мы хотели своей книгой тоже сказать, — это мысль, убежденность, что интеллигентность, внутренняя культура — сила, а не слабость человека. Что работа разума, духа, например, спасла Г. А. Князева, а сила, работа любви помогла Лидии Охапкиной (и не ей одной) выжить и спасти детей — когда уже ничто другое помочь им не могло. Одну из глав второй части «Блокадной книги» мы сначала назвали условно «Мальчик-интеллигент». Очевидно, догадываетесь, что мы имели в виду Юру Рябинкина.

Так вот, сверхцель книги, которая необходима, чтобы был не просто памятник прошлому, пережитому, но и живой контакт с современностью, — сверхидея «Блокадной книги» открылась нам и для нас сформулировалась именно в этих словах: **внутренняя культура, интеллигентность — сила, а не слабость человека.** А поэтому, возможно, в этом направлении более последовательно и настойчиво следует искать пути и средства разрешения многих узлов и проблем, которые никакими иными средствами развязать не удастся. (Кстати, на это ориентирована и разрядка, которую мы отстаиваем, и как раз против этого снова и снова выступают сторонники «голой силы».)

...Помню тот день. Я все приезжал в Ленинград — летом и зимой, осенью и весной, — мы уже знакомы были с сотнями жителей города, которые никогда не видели друг друга. Даниил Александрович «свел» меня, познакомил с уголками и местами города, связанными не только с жизнью Достоевского, Пушкина, Лермонтова, но и с судьбой их героев (стоял возле него, знаю даже тот камень, под который Родион Раскольников спрятал деньги, вещи убитой им старухи). У меня уже были свои воспоминания о собственной жизни в этом городе. Но все еще не было ощущения, что город принял меня — вместе с теми миллионами, которые его по-особенному любят. Любят как что-то единственное и неповторимое на земле и в то же время знают, что и сами принадлежат городу.

Мои к нему — Петербургу, Петрограду, Ленинграду — чувства начало берут не из дня сегодняшнего или вчерашнего, возникли они где-то на десятом году жизни — с первыми не строчками даже, а как бы аккордами Пушкина: «На берегу пустынных волн...».

И вот тот момент, когда все переменилось (конечно, во мне самом это произошло, но показалось, что это город глянул и

вдруг меня обнаружил, и я даже голос услышал — радостным эхом во мне прозвучал). Был уже 1978 год. Мы уже напечатали первые главы «Блокадной книги», сотни писем блокадников, которых мы не разыскали, теперь через «Новый мир» разыскивали нас. Чтобы добавить что-то, свое сказать или просто добрым словом поблагодарить Даниила Гранина и его «составра из Белоруссии». Я снова приехал в Ленинград ранней весной, побыл на Краснопутиловской, на очередной своей квартире, и, как обычно, к метро пошел мимо памятника блокадному Ленинграду. В этот день и памятник был не такой, каким виделся прежде, вдруг как бы заколыхалось, ожило в весеннем воздухе: нереально вытянутые тонкие фигуры женщин, солдат, рабочих, детей — будто сквозь колеблющееся сознание не твое, а блокадника... Доехал до Невского, и вдоль напряженно изогнутой Мойки, а потом через горбатый мостик возле дома Пушкина вышел к Зимнему — Эрмитажу, через Дворцовый мост перешел на другой берег Невы, где университет. Архив Академии наук — отсюда начал считать шаги. Какое приблизительно расстояние от архива до дома, обвешанного черными мемориальными досками, в котором жил, куда и откуда ездил на своем инвалидном «самокате» Георгий Алексеевич Князев?..

У нас был его дневник, и мы уже начинали работу над второй частью «Блокадной книги». А вот и сфинксы над самой Невой, которые в дневнике директора академического архива все более оживают, делаются едва ли не главными его собеседниками — по мере того, как жизнь вокруг не просто замирает, а вымирает. За широкой Невой огромный купол Сената. Князеву отсюда, из-под коротких дорических колонн его дома, после обстрела показало, что это расколотый череп!..

Когда я возвращался по Дворцовому мосту, солнце уже было над Финским заливом — садилось в тучи, на непогоду. Из-за разорванных, с синью и красной по краям, облаков вырвались последние лучи и залили растопленным стеклом, зажгли окна вдоль всего берега реки. Людей возле Эрмитажа непривычно мало, мост пустынен, хотя еще и не вечер. Вот здесь я и услышал (или ощутил) тот миг... И понял, что не чужой в этом городе. Не совсем чужой ему. Будто глянул он в мою сторону и даже сказал: «Ну что ж, если так...»

Закончу словами из «Блокадной книги»:

«Москва держится, Ленинград не сдастся!» — как это важно было слышать, знать в лесах Белоруссии... Для нас важно было, что Ленинград не просто стоял несокрушим, а то, что он как бы обесценен силой и самоуверенностью врага. Мы тогда не могли знать, какой ценой, какими усилиями это дается. Важно было, что он держался — после того как мы собственными глазами видели ошеломительное начало немецкого марша на восток. Ленинград остановил этот марш и указал на предел немецкой силы. Он был очерчен, этот предел, разгромом немецкой армии под Москвой. Город на Неве демонстрировал бессилие врага, оно тянулось годами, это кошмарное для Гитлера бессилие сделать хотя бы шаг вперед.

Тогда мы не знали, кому поклониться за эту издаль, из Белоруссии, казавшуюся нам железной стойкостью ленинградцев. Участие в работе над «Блокадной книгой» автора-белоруса пусть тоже будет таким поклоном, хотя и запоздалым...»

МИНСК

